

ИНТЕРВЬЮ. ПОВОЛЖЬЕ

Илья Абишев — о мобильных огневых группах БАРС: "Если они начнут стрелять по всему, что летает, первыми рухнут гражданские самолеты"

Регина Хисамова

25 июня 2026

Мобильные огневые группы БАРС, Кировская область

В регионах Поволжья на фоне участвовавших атак беспилотников создают новые формирования БАРС (Боевой армейский резерв страны). Если в начале полномасштабного вторжения эти отряды формировались из добровольцев для отправки на фронт, то теперь местные власти позиционируют их как "мобильные огневые группы" для защиты объектов гражданской и промышленной инфраструктуры в тылу. О том, как устроена противовоздушная оборона удаленных от фронта регионов и помогут ли пулеметы против современных

украинских дронов, Идель.Реалии обсудили с военным обозревателем русской службы Би-би-си Ильей Абишевым.

БАРС (Боевой армейский резерв страны) — это проект Министерства обороны РФ, который изначально задумывался как классический мобилизационный людской резерв. Указ о его создании Владимир Путин подписал еще в 2015 году, однако активное развертывание началось только осенью 2021 года.

Смысл системы заключался в том, что гражданские мужчины добровольно заключали контракт с Минобороны, получали небольшие выплаты, раз в год уезжали на краткосрочные сборы и тренировки, сохраняя при этом основное место работы.

С началом полномасштабного вторжения в Украину в 2022 году БАРС трансформировался: под этим брендом на фронте появились "номерные" добровольческие батальоны (БАРС-1, БАРС-13 и др.), принимавшие непосредственное участие в боевых действиях.

Однако к осени 2025 — лету 2026 года на фоне регулярных ударов по российскому тылу у БАРСа появилась принципиально новая функция — защита гражданской и промышленной инфраструктуры в глубоком тылу.

О защите неба в Поволжье: "ПВО просто элементарно не хватает"

— После майских и июньских атак беспилотников в Удмуртии, Чувашии, Пермском крае и Башкортостане начали активно создавать новые отряды БАРС. По заявлению властей, они нужны для борьбы с дронами. Кто выполнял функции защиты городов Поволжья вне зоны активных боевых действий до этого момента?

— Оборона воздушного пространства возложена на войска противовоздушной обороны. И она этим всегда занималась и продолжает заниматься. Что касается БАРСов, так называемых мобильных огневых групп, я пока не знаю, в каком качестве их собираются не то что использовать, а в каком качестве их собираются вписывать в эту систему противовоздушной обороны. Но совершенно очевидно, что вписывать будут. А на каких правах, на каких условиях — пока информации [об этом] в открытом доступе нет.

Илья Абишев. Архивное фото

Опять же, много вопросов, чем их будут вооружать, какие будут полномочия, по чьей команде они будут действовать. Очевидно, что это будет команда от структур той же противовоздушной обороны, но не очень понятно, от какой именно. Потому что мы знаем: есть зональная ПВО, есть районированная ПВО. То есть кому конкретно они будут подчиняться, пока вопрос открытый.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Небо на самообороне. В регионах создают мобильные группы ПВО

— Как технически была выстроена защита таких отдаленных от линии фронта городов, как Казань, Нижнекамск или Пермь, до появления мобильных групп? Что происходит, когда поступает сигнал о подлете дронов?

— Существует в целом система противовоздушной обороны, она эшелонированная. В принципе, у России существовала и наверняка сейчас ещё существует такая эшелонированная система обороны. То есть системы раннего обнаружения объектов, в том числе с использованием космических средств, средств радиолокации.

И вся эта система, по идее, должна засекают все угрожающие воздушному пространству России средства и передавать информацию на системы противовоздушной обороны, которые должны быть эшелонированы (то есть быть в несколько слоёв, расположены на несколько рубежей). И эти системы ПВО должны их атаковать.

Ракетная система противовоздушной обороны "Панцирь-S-1" на крыше здания штаб-квартиры Министерства обороны России в Москве, 5 мая 2026 года

Понятно, что где-то эти рубежи противовоздушной обороны более плотные, где-то менее. Ближе к крупным городам — таким как Москва, Петербург, Нижний Новгород и Казань — такие системы более плотные. А в других местах такая система ПВО более разрежённая.

Другое дело, что с началом войны Россия понесла очень тяжёлые потери по системам ПВО и радиолокации. И она продолжает их терять. В том же Крыму постоянно уничтожаются одна-две установки, причём довольно серьёзные — "Панцири" и "Торы". Постоянно теряются станции радиолокации. И очевидно, что этих средств становится всё меньше и меньше — и на многих участках оборона неба становится всё более и более разрежённой, их просто элементарно не хватает.

О региональных властях: "Они не могут и не должны отвечать за оборону неба"

— В Поволжье не заявлялось об уничтожении систем ПВО, но регионы регулярно подвергаются атакам. Глава Татарстана Рустам Минниханов ещё в 2024 году [заявил](#): "Не надо ждать, что сработает противоракетная оборона, она решает другие задачи. Мы должны решать своими силами, каждое предприятие, каждый муниципалитет, каждый город. <...> Очнитесь, ребята, никто нас не защитит, кроме самих себя". Почему гражданские власти берут это на себя?

— А о каких властях вы говорите? О гражданских? Местные власти — а причём тут местные власти? Они не могут и не должны отвечать за оборону неба. За это всегда в любой нормальной стране отвечают военные. Именно силы противовоздушной обороны. Даже не пограничные войска, заметьте.

Представляете, что будет, если какие-то структуры, не имеющие отношения к противовоздушной обороне, начнут сбивать всё, что летит у них над головой? Ну вот представьте себе, что произойдёт в таком случае.

Мобильные огневые группы БАРС, Нижний Новгород

— Но разве новые отряды БАРС создаются не для этого? Да и на начальном этапе крупные предприятия Поволжья всерьез обсуждали наём ЧОПов, которые бы сбивали БПЛА из ружей.

— БАРСы — да. Но именно поэтому в самом начале я сказал, что эти БАРСы должны быть вписаны в структуру противовоздушной обороны и действовать только по их команде — и атаковать только ту цель, которую передало командование противовоздушной обороны.

Если какие-то непонятно кем созданные, непонятно кому подчиняющиеся мобильные огневые группы начнут стрелять по всему, что летает, я вас уверяю, первыми рухнут гражданские самолёты. Да и те же системы РЭБ — это тоже не шутка. Ими, прежде всего, можно подавить что-то своё.

— Почему тогда именно губернаторы сейчас выступают главными инициаторами набора в БАРС?

— Я не знаю, как так оказалось. Но, в принципе, если не справляется зональная эшелонированная система ПВО, то районированная может быть если не панацеей, то каким-то решением проблем. Но опять же — это всё должно делаться под эгидой центральной системы противовоздушной обороны, централизованно.

— Призывы вступать в БАРС — это реальная попытка защитить объекты или способ успокоить население Поволжья на фоне участившихся прилетов?

Например, в Башкортостане набирают всего 300 человек, что для масштабов республики кажется каплей в море.

— О каком успокоении идёт речь? Нет, я как раз думаю, что российские власти призывают людей [вступать в БАРС], надеясь закрыть ими, по крайней мере, небо последнего рубежа, на последнем рубеже обороны.

Можно, конечно, набрать и 30 тысяч человек, но что они будут делать? Разве мало просто охранников? А тут, представляете, ещё куча здоровых мужиков с оружием будут заниматься непонятно чем, стрелять в воздух.

Об эффективности МОГов: "Я не видел ни одного кадра, где мобильная огневая группа сумела бы сбить дрон"

— *Способна ли в принципе мобильная группа с переносным пулеметом перехватить беспилотник?*

— В принципе — да, могут справиться. Но надо понимать, что Россия во многом копирует опыт Украины. Борьба с этими беспилотниками началась с 2022 года, где-то с осени, или с начала 2023-го, когда их стали более-менее массово производить в России. И тогда против тех первых "Шахедов" или "Гераней" (как их называют в России) в Украине были созданы мобильные огневые группы, которые сбивали дроны, движущиеся на относительно небольшой высоте.

На тот момент, три-четыре года назад, они были доступной целью: довольно шумные, их было видно, и средства первых мобильных групп позволяли с тем или иным успехом с ними бороться. Значительную часть из них они сбивали.

Что касается современных дронов. Всё же прошло время, современные дроны стали гораздо более серьёзными, они тоже адаптировались. Сейчас они летают на других высотах, обладают большей манёвренностью, лучше защищены от средств радиоэлектронной борьбы — становятся более малозаметными.

Мобильные огневые группы БАРС, Нижний Новгород

И сейчас, как мы видим по многочисленным видеокадрам попыток отражения атак, действия мобильных огневых групп на последнем рубеже обороны, как правило, ни к чему не приводят. Они крайне малоэффективны. Я не видел вообще ни одного кадра, где мобильная огневая группа сумела бы сбить дрон, который уже заходит на цель. У них есть и системы автозахвата, то есть всё в этом плане очень чётко и отработано.

Те мобильные огневые группы, которые создавались по шаблону трех-четырёхлетней давности, против нынешних современных дронов уже малоэффективны. Им требуется совершенно другое вооружение. Нужны дроны-перехватчики, более серьёзные крупнокалиберные зенитные орудия, малые противоракеты, хотя бы малые радиолокационные станции, сеть акустических датчиков, малая авиация и ещё много всего.

— В Поволжье чаще всего прилетает украинский дрон "Лютый" — это довольно большой беспилотник самолетного типа. Против него пулеметы бессильны?

— Довольно большой [беспилотник]. Скорее всего, это говорит о том, что "Лютый" наиболее эффективно преодолевает системы противовоздушной обороны. Если бы прилетали разные, то можно было бы говорить, что российская оборона ПВО совсем дырявая. Видимо, всё же нет, не настолько дырявая, но с такими дронами, как "Лютый" (и там есть ещё несколько серьёзных моделей), справляться очень тяжело.

Об опыте приграничных регионов РФ: "Я бы не сказал, что они сильно эффективны против нынешних средств огневого поражения"

— Казалось бы, пока дрон летит 1 500 километров до Поволжья, вероятность его уничтожения выше, чем на подлете к приграничным Брянску или Курску. Как с атаками справляются там?

— То, что далеко, вовсе не означает, что ниже вероятность долететь. Ниже вероятность долететь там, где система противовоздушной обороны достаточно плотная. И совершенно очевидно, что самая плотная она там, где проходит линия фронта, потому что войска нужно защищать. В противном случае противник вынесет передовые подразделения, просто проломит фронт — и наступит катастрофа. Поэтому эти участки наиболее прикрыты.

Сильно прикрыты в основном города — сам Белгород, допустим, Курск. Но между ними куча лагун. На всю огромную территорию России, конечно, не хватает ПВО — и не может хватать. Да ни у одной страны мира столько ПВО против такого количества воздушных объектов, поверьте мне, нет. Их нет ни у США, ни у НАТО, ни у кого.

Мобильные огневые группы БАРС, Нижний Новгород

— Используются ли в приграничье мобильные группы?

— Конечно. И в Крыму такие мобильные огневые группы действуют. Очень много их сейчас на трассе "Новороссия" — это так называемый сухопутный коридор между Ростовом, Таганрогом и Крымом. Их много и в Курской, и в Белгородской областях.

Я бы, опять же, не сказал, что они сильно эффективны против нынешних средств огневого поражения, располагая теми средствами противодействия, которые у них есть. То есть нынешние средства, скажем прямо, малоэффективны. Но тем не менее это лучше, чем ничего.

— Те группы в приграничье тоже формируются через систему БАРС или напрямую относятся к регулярной армии? Зачем регионам Поволжья понадобилось продвигать это именно как БАРС?

— Нет, это, безусловно, только часть Минобороны. Я не могу сказать [для чего в ПФО продвигают это именно как БАРС], но своё мнение я уже выразил: такие вооружённые или военизированные структуры должны быть в системе, связанные с Министерством обороны. Иначе быть беде.

К июню 2026 года география воздушных угроз в России радикально расширилась. Атаки украинских автономных беспилотников (в частности, моделей типа "Лютый") по объектам в Поволжье — в полутора тысячах километров от линии фронта — стали обыденностью. Поскольку федеральный центр фактически переложил ответственность за защиту неба на регионы, главы субъектов (Башкортостана, Удмуртии, Чувашии, Пермского края) начали экстренно формировать местные подразделения БАРС, позиционируя их как мобильные огневые группы.

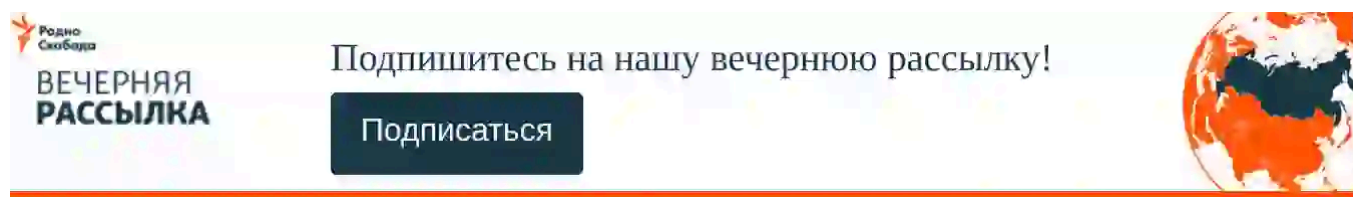
Главный инструмент, с помощью которого региональные власти привлекают мужчин в новые батальоны БАРС, — обещание стопроцентной локализации службы. Руководители регионов публично заявляют, что новобранцы будут охранять небо исключительно в границах своих областей и республик, сохраняя гражданскую работу и среднюю зарплату.

Однако правозащитники и юристы называют эти обещания сознательным введением в заблуждение, указывая на серьезные юридические лазейки. Например, в российском законодательстве нет и не может быть пунктов, ограничивающих применение бойцов территорией конкретного региона. Другая опасность кроется в том, что в обычное время участник БАРС остается

гражданским лицом. Однако во время прохождения обязательных военных сборов он автоматически приобретает статус военнослужащего.

С юридической точки зрения, Министерство обороны РФ имеет абсолютное право в любой момент перебросить бойца БАРС из Уфы, Ижевска или Перми в зону активных боевых действий в Украине (в том числе в те регионы, которые, согласно Конституции РФ, также считаются "российскими"). На практике, отмечали правозащитники, уже зафиксированы прецеденты, когда резервистов под давлением заставляли переподписывать краткосрочные контракты на полноценные боевые.

Подписывайтесь на наш канал в [Telegram](#).

Радно Свобода
**ВЕЧЕРНЯЯ
РАССЫЛКА**

Подпишитесь на нашу вечернюю рассылку!

Подписаться

Этот контент также в категориях

Война. Поволжье

Интервью. Поволжье